

Пропавшее кольцо, или Оскал ревности

Смеркалось.

Душный тягостный день медленно-медленно уходил на покой. Малиновое гипертоническое солнце зацепилось за шпиль телебашни и всё никак не хотело прощаться с городом.

Мы, все четверо, сидели в гостиной, будто укутанные гнетущей вязкой тишиной, и молчали. Где-то далеко-далеко нарождался взвод ажанов. Или копов. Или «бобби». Ильментов. Нам было всё равно. Мы скорбели.

Капитан с помощниками находились на втором этаже, в кабинете Артура Васильевича и допрашивали остальных. С нами же оставили одного сержанта. Тот стоял у входной двери и задумчиво поедал хот-дог.

Первым, как и следовало ожидать в нашей интернациональной компании, молчание нарушил Джек. Что поделать, даже общение с нами не прибавило ему тактичности.

– И что? Так и будем молчать?

Вопрос повис в воздухе.

– Делать что-то надо. Делать! И думать!

– Ну, это по части Филиппа, – с иронией протянул Боб-Борис. – Да, Фил? Мы-то больше по части исполнения. Это он у нас мозговой центр.

Я оглянулся на него с неприязнью. Впрочем, без всякого толка. По толстокожести он ни в чём не уступал своему брату Джеку. Но каков наглец! Подначивать в присутствии дамы. Да, права была гений эпизодов и афоризмов: «Ревность – это страшная сила!»

– Если ты хочешь меня чем-то удивить, то тебе... – начал я.

– Прекратите! – Глаза Элен заблестели от слёз. – Как вам не совестно!

– Да, друзья, давайте как-нибудь... – Джек, кажется, тоже смутился, хотя это

было ему и не свойственно. – Всё-таки основное подозрение падает на нас.

Вот здесь он был прав на все сто процентов. Колье хозяйки пропало, когда в гостиной находились лишь мы четверо. Я отчётливо помню, как Эльвира Петровна вернулась из театра, сняла кольцо и положила на журнальный столик у окна. Затем скользнула по нам рассеянным взглядом и, не удосужившись поздороваться, поднялась к себе наверх. Я ещё тогда поразился, что она оставила украшение здесь, а не унесла к себе в шкапулку, где обычно хранила драгоценности. Колье было старинным, от прапрабабушки, бывшей фрейлины последней императрицы, и стоило баснословных денег. Когда однажды при мне случайно озвучили сумму, у меня чуть не поехала крыша.

«Стоп, Фил! Ты опять отвлекаешься! Продлевай логическую цепочку, а не уходи от ответа, не верти хвостом, – перебил я сам себя. – Дано изначально: нас было четверо. Я, Элен, Джек и Борис».

В девятнадцать ноль-ноль (я запомнил это так хорошо потому, что пробили городские часы) пришла Эльвира Петровна. Колье, столик, второй этаж... Где-то в девятнадцать ноль-пять – её громкая перебранка с Артуром Васильевичем. В двадцать ноль-ноль они спустились уже рука об руку, чтобы ехать на банкет. То есть кольцо существовало порознь от хозяйки где-то около часа. За это время через гостиную прошли: дворецкий Моисей – из комнаты прислуги на кухню и обратно, два раза; Витёк и Паша из охраны – из биллиардной во двор; следом за ними – водитель Казимир Матвеевич; горничная Анжела – со второго этажа в гардеробную, что-то взяла и вновь поднялась наверх.

Так, теперь мы... Пару раз отлучался из дома Джек. Элен подходила к Анжеле, о чём говорили – не слышал. Я уходил на кухню, буквально минут на пять: у нас кончилась нарезка – и сырная, и колбасная. Но! Никто из нас ни на секунду не оставался наедине с колье! И всё-таки я всем нутром чувствовал, что основное подозрение падает на меня. А если ещё вспомнить хозяйскую ссору перед

банкетом... Хорошо поставленный концерт Эльвиры Петровны был слышен, кажется, и на соседней улице.

– Сколько можно содержать этого балбеса! Тебе что, охраны не хватает?! Пригрели иждивенца! Ты посмотри, как он косится на нашу Элен. А она?.. Задурил девочке голову! Откровенно говоря, мне очень жаль Бориса, из них получилась бы достойнейшая пара!

– Эльвира, Борис же ей приходится кузеном! – басом отвечал Артур Васильевич.

– Господи! Посмотри на родословные царствующих особ!..

Вот на этом месте Джек многозначительно хмыкнул, поднялся и вышел из дома в первый раз. Мы же, «треугольничек» пресловутый, остались сидеть, не глядя друг на друга и сгорая от стыда. По крайней мере, мы с Элен.

Наверху раздалися шаги. Сержант торопливо засунул остатки хот-дога в кобуру. Хозяйка спускалась первой и, оборачиваясь, негромко говорила капитану:

– А я уверена: это его рук дело. Он давно уже ревнует Бориса к Элен. Он и подставляет его! Единственный вопрос: куда мог спрятать кольцо? Вы же всё обыскали!

Я краем глаза увидел улыбку Боба, больше похожую на оскал. И у меня что-то перемкнуло, перещёлкнуло в башке! Пазлы сложились в узор!

...Джек повторно выходит из дома (я ему много раз говорил, что он слишком много пьёт)... Элен стыдливо отворачивается... я, чтобы замаять неловкость, обращаюсь к ней с каким-то пустяковым вопросом... обращаюсь... Борис что-то дожёвывает... Вот! Вот!

Я опрометью бросился на второй этаж, чуть не сбив с ног капитана.

– Куда ты, оглашенный? – услышал вслед нервный окрик Эльвиры Петровны, но было не до неё.

Я ворвался в кабинет хозяина. Допросы уже окончились, и все собирались уходить. Молча схватил дворецкого Моисея за рукав и потянул за собой, к аптечке на кухню.

– Помедленнее, Фил, помедленнее, – бурчал с отдышкой старик. – Я уже не мальчик, я не успеваю за тобой... Ну, и зачем она тебе? – спросил он, снимая аптечку со шкафа.

Я даже не стал отвечать. Порылся в коробке, схватил пузырёк и прошёл в гостиную. И чем ближе и медленнее я подходил к Борису, тем явственнее было видно, как он скукоживается, ужимается на глазах. Я бросил перед ним касторовое масло, как перчатку перед дуэлью, и уселся с независимым видом рядом с Элен.

– Боже мой! Какие высокие отношения! – взволнованно прошептала сзади Анжела.

– Э-эх, – поддержал её Моисей, и его блеклые старческие глаза затуманились от воспоминаний.

– Артур... – беспомощно и как-то беззащитно проговорила хозяйка.

– Что «Артур», что «Артур»?.. – брюзгливо отозвался муж. – «Порода, родословная...» А ещё Фильку моего обвиняешь!

Капитан же, прищуривши один глаз, не подходя к нам что-то издали измерял пальцами у Боба.

– А что... Вполне, вполне... – бормотал он. – Вон какая пасть у вашего Бориса. Не то что кольцо – всю шкатулку с вашими побрякушками заглотит. Сейчас ветеринара вызовем, прочистит...

Я покосился на Элен. Элен благодарно покосилась на меня.

Я лапой задрал накидку на кресле, аккуратно подцепил клыками заныканный кружочек колбасы и положил его перед ней, за что прилюдно был обласкан языком по морде. Говорю же: сложились пазлы. Не мог Бориска тогда что-то дожёвывать! Чашки перед нами были пусты. Этот кружочек колбасы был последним. Для неё. Для любимой моей лабрадорши.

Страницы автора

soyuz-pisatelei.ru/index/8-1856

proza.ru/avtor/potapovva